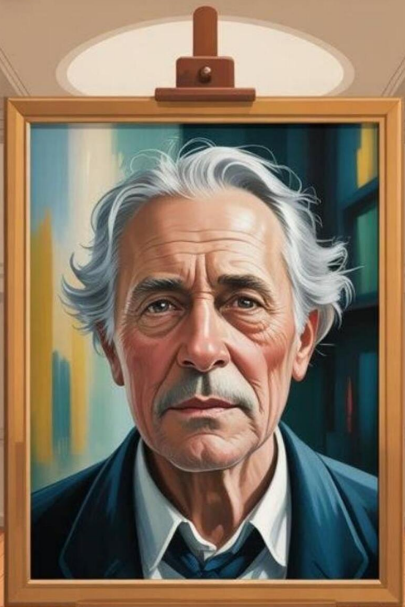

Артем Савенков

Последний
Портрет

Артем Савенков

Последний портрет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72741085

SelfPub; 2025

Аннотация

Он продавал счастье за большие деньги. Его картины с улыбающимися людьми покупали за огромные состояния. Но когда врач отмерил ему год жизни, знаменитый художник Виктор Орлов решил написать единственную правдивую картину – свой автопортрет.

Чтобы найти правду, он отправился к людям, чьи улыбки когда-то писал. И обнаружил, что за каждой изображённой им улыбкой скрывалась боль, разочарование или пустота. Он думал, что дарил людям радость, а всего лишь становился свидетелем их крушения.

Эта книга – о том, как мы все носим маски. О цене, которую мы платим за успех. И о мужестве посмотреть правде в глаза, когда времени почти не осталось.

Прочтите – и вы уже никогда не посмотрите на свою жизнь прежними глазами.

Артем Савенков

Последний портрет

Глава 1. Сделка

Виктор Петрович закончил картину и теперь смотрел на нее без слов. Еще один «лучик». Молодая женщина в белом платье, смеющаяся над невидимой зрителю шуткой. Он поймал это выражение лица за долю секунды на званом вечере и потратил месяц, чтобы воссоздать его в масле. Получилось безупречно. И абсолютно пусто.

В тот момент, когда с ним расплачивался довольный заказчик – муж женщины, желавший получить вечную улыбку жены в подарок на годовщину, – в мастерскую вошел врач. Доктор Анатолий, старый приятель, с которым они изредка играли в шахматы. Его лицо было серым и напряженным.

«Виктор Петрович, мне нужно срочно», – сказал Анатолий, не глядя на картину.

Но Виктор Петрович не спешил. Он медленно, с наслаждением профессионала, принимал хрустящие купюры, мысленно уже раскладывая их по конвертам: на коммуналку, на краски, на выдержанный виски. Покупатель, сияя, изливал поток лестных комментариев: «...гениально... душа... вы поймали самую ее суть!...»

Они были Виктору Петровичу ни к чему. Он сам знал, что пишет хорошо. Но вот деньги... Деньги ему нравились. Они

были осязаемы, весомы и не лицемерили. Он кивал с вежливой, отрепетированной улыбкой, сделал вид, что ему интересно, и аккуратно сложил горку долларов в ящик старого бюро, чтобы потом убрать в сейф.

«Дело очень срочное», – повторил врач, и в его голосе прозвучала металлическая нота, которую Виктор Петрович раньше не слышал.

Только тогда он показал жестом покупателю, что им пора закончить. Тот, казалось, был только рад – слушать больше ему было нечего, а запечатленная улыбка жены уже была его собственностью. Счастливым, он удалился, унося с собой сияющий холст.

Дверь закрылась. В мастерской повисла тишина, густая от запаха скипидара и масла.

«Год, Виктор Петрович. В лучшем случае».

Слова прозвучали как приговор, высеченный на камне. Не «у вас рак» или «сердце отказывает». Просто – год. Единица. Предел.

Виктор Петрович не шелохнулся. Он будто погрузился в себя, отступил вглубь собственного черепа, оставив тело стоять после мастерской. Он смотрел в одну точку – на темно-бордовый бархат кресла, где минуту назад сидел восторженный мужчина. Деньги в ящике внезапно стали цветной бумагой. Слава – пустым звуком. Вечность, на которую он, казалось, покупал право своими картинами, оказалась срочным вкладом.

Доктор Анатолий грустно стоял и ждал реакции. Ждал крика, отрицания, вопросов. Но там, внутри себя, Виктор Петрович лишь констатировал факт: банк лопнул. Вкладчик объявил себя банкротом.

Медленно, с непривычной скованностью в движениях, он подошел к стеллажу, уставленному рулонами холстов, и достал один, самый маленький. Чистый, нетронутый, пахнущий грунтовкой и возможностями. Он вернулся к мольберту, снял подставку для только что проданного «лучика» и поставил на ее место новую, маленькую основу.

Он смотрел на ослепительную белизну полотна, и в голове стучала лишь одна, ясная и безумная мысль, заглушающая все остальное, даже страх:

«Я напишу себя. Последний портрет. И он будет правдой».

Правды он боялся больше всего. Но теперь бояться было нечего.

Глава 2. Золотая клетка

Он не пошел домой. Он поехал в гараж.

Это было не темное, пропахшее бензином помещение, а просторный, кондиционированный «арт-бокс», купленный им специально для хранения картин, которые он не хотел продавать, или, наоборот, тех, что ждали своего часа, чтобы уйти за шестизначные суммы. Свет зажегся, выхватывая из

тьмы десятки холстов, стоящих лицом к стене. Здесь пахло не творчеством, а инвестициями.

Виктор Петрович прошел мимо них, не глядя. Его цель стояла в дальнем углу – бронированный шкаф. Он повернул ключ, ввел код. Внутри, на полках, лежали не папки, а аккуратные стопки валюты – доллары, евро, франки. «Черный нал», как он это называл. Деньги, которые не проходили через галереи, налоги и договоры. Деньги, которые платили наличными за «особые» заказы, за скорость, за отсутствие лишних вопросов. Он достал свежую пачку из бюро и бросил ее в шкаф, даже не пересчитав. Звяканье металлического замка прозвучало оглушительно громко в тишине гаража.

«Год», – эхом отозвалось в голове.

Он обошел свой «золотой запас» и сел на невзрачный деревянный ящик в углу. Отодвинул его крышку. Там лежали не деньги, а его прошлое – старые эскизники, фотографии, письма. Пыль воспоминаний. Он достал наверх толстый, потрепанный альбом в кожаном переплете. «Наброски. 80-90-е».

Листая пожелтевшие страницы, он видел другую жизнь. Другую руку – более резкую, голодную, полную дерзости. Там были лица с улиц, друзья в мастерской, зарисовки в кафе. И среди них – те самые «Лучи». Первые, неотполированные, еще пахнущие не славой, а настоящей, живой радостью. Имена и телефоны были нацарапаны на полях.

Он закрыл альбом. Взгляд упал на блестящий бампер

своего немецкого автомобиля, припаркованного рядом. Он вспомнил свой пентхаус с панорамными окнами, дорогие костюмы в гардеробе, вино в погребе. Вся эта роскошь была бутафорией, которую он сам же и выстроил вокруг себя, чтобы доказать... а кому, собственно? Самому себе, что он не тот голодный художник из коммуналки.

Ирония была в том, что тот голодный художник, вероятно, был счастливее. Тот верил, что ловит душу. Этот – лишь научился ловить свет на лице, чтобы он лучше продавался.

Он взял альбом, вышел из гаража и, не садясь в машину, пошел по ночному городу пешком. Пачка денег лежала в кармане пальто, но вес ее больше не грел. Он чувствовал себя нищим.

Глава 3. Первый луч

Пустой дом

Дом по указанному адресу оказался не просто престижным, а новоделом в стиле хай-тек, с идеально подстриженным газоном и блестящей входной дверью из черного матового металла. Виктор Петрович потянул за ручку старомодного колокольчика, и его звонок показался неуместно-простым для этого места.

Дверь открыл мужчина лет сорока в дорогом, но безвкусном спортивном костюме, с массивными золотыми часами на запястье. За его спиной виднелась женщина в аналогичном костюме, вытирающая пыль с огромной хрустальной ва-

зы. Интерьер кричал о деньгах, потраченных с единственной целью – чтобы их заметили.

«Ирина С.?» – спросил Виктор Петрович.

Мужчина нахмурился, оценивающим взглядом окинув его потрепанное пальто и уставшее лицо.

«Нет тут никакой Ирины. Мы купили этот дом у прежней хозяйки. Полгода назад.»

«Вы не знаете, где она сейчас живет?»

«А зачем вам?» – в разговор вступила женщина, подойдя к двери. Ее лицо выражало любопытство, лишённое всякого участия.

«Я... старый знакомый. Художник.»

«А-а, – протянул мужчина, и в его глазах мелькнуло понимание. – Так вы, наверное, тот, кто ей портрет писал? Тот, что висел в гостиной? Ужасная картина, мы ее сразу сняли. Слишком пафосно. Сдали на какой-то склад.»

«Знали бы вы сколько она теперь стоит... – сказал Виктор Петрович себе под нос, так, что мужчина услышал и задумался.

Виктор Петрович почувствовал, как что-то сжалось внут-

ри. Его «Луч», первый луч его славы, валялся на пыльном складе.

«Она продала дом из-за долгов, – брезгливо добавила женщина, словно речь шла о заразной болезни. – Расплатилась и съехала. Кажется, в какой-то район попроще. Куда именно – понятия не имеем. Не интересовались.»

Дверь закрылась перед его носом с тихим щелчком бронированного замка. Он стоял на идеально вымощенной дорожке, чувствуя себя так, будто его самого только что списали в утиль.

Старый долг

В его записной книжке были не только модели. Там были те, кто мог решить проблемы. Одним из таких контактов был «Майор» – Сергей Иванович, когда-то вытащивший Виктора Петровича из неприятной истории с поддельными экспертизами. С тех пор художник периодически «спонсировал» его рыболовные поездки.

Он встретил Сергея в маленьком кафе рядом с управлением. Сергей Иванович, грузный мужчина в простом свитере, доел котлету с пюре и смотрел на Виктора поверх чашки с чаем.

«Ну, Орлов, по твоему лицу вижу – дело не денежное. А какое тогда? Сентиментальное?» – хрипло рассмеялся он.

«Нужно найти человека, Сергей. Женщину.»

«Невесту ищешь в свои-то годы? Шутишь.»

«Модель. С нее когда-то писал. Первую свою серьезную работу.»

«И что, вернуть хочешь?» – Майор сделал глоток чая.

«Нет. Вернуть... понимание.»

Сергей Иванович внимательно посмотрел на него, отложил чашку.

«Адрес, ФИО, что известно.»

Виктор Петрович передал ему листок.

«Старый адрес есть. Говорят, переехала в район попроще из-за долгов.»

«Понял. Дай пару дней. Но, Виктор, – Майор посмотрел на него строго, – если там что-то мутное, если вляпалась во что-то... Ты уверен, что тебе это надо? Иногда прошлое лучше в покое оставить.»

«Я ищу правду, Сережа. Пусть и горькую.»

«Правду, – фыркнул Майор, доставая телефон. – Ну, раз ты за правду, то и платить будешь по-честному. На новую удочку. Канадскую. Дорогую.»

«Договорились.»

Новый адрес

Через два дня на телефон Виктора Петровича пришло СМС с адресом. Не район, а конкретная улица и номер квартиры в панельной девятиэтажке на окраине города.

Он приехал туда на такси. Подъезд пах котом и остывшим борщом. Он поднялся на нужный этаж и постучал. Дверь открыла она. Ирина. Узнал он ее не сразу. Не по чертам лица, а по тени, которая мелькнула в глазах. Той самой, что он когда-то принял за счастье. Теперь эта тень легла морщинами вокруг губ и поселилась в глубине взгляда. Она была в старом домашнем халате.

«Вам что?» – голос был усталым и обрывистым.

«Виктор Орлов. Художник. Вы мне когда-то позировали.»

Она молча смотрела на него несколько секунд, словно вспоминая.

«Позировала... – на ее лице ничего не отразилось. – А, тот портрет. Муж его обожал. Потом продали, когда дела пошли плохо. Вам что, деньги за него не заплатили?»

Он понял, что она всерьез считает, что он пришел выпрашивать долю.

«Нет. Я... хотел просто поговорить. О том дне. О том времени.»

Она пожала плечами, но от двери не отошла.

«О чем говорить? Время было дурацкое. Я тогда думала, что все только начинается, а оно, выходит, уже заканчивалось.» Она посмотрела куда-то за его спину, в полутемный подъезд. «Вы знаете, я сейчас на работу хожу, в офис. Иногда смотрю на молодых девчонок, как они смеются..., и думаю: вот вы, милые, даже не знаете, за что улыбаетесь. И не знаете, во что эта улыбка вам потом обойдется.»

Она не пригласила его войти. Просто медленно, беззвучно закрыла дверь.

Виктор Петрович стоял на лестничной площадке, сжимая в кармане блокнот. Он так и не вошел в ее новую жизнь. Но он увидел все, что ему было нужно. Он достал блокнот и напротив имени Ирины вывел: «Улыбка = Валюта. Курс упал.»

Это был первый штрих. Не к портрету, а к некрологу. Некрологу его иллюзиям.

Глава 4. Первый штрих

Дорога в никуда

Он не стал вызывать такси. Ему нужно было пройтись, растворить в движении тот холодный осадок, что остался от

встречи. Дорога из спального района вела через пустыри, мимо гаражных кооперативов, похожих на ульи из ржавого металла, мимо безликих супермаркетов с яркими вывесками.

Он шел, и в голове, отбивая такт шагам, звучали ее слова: «...не знаете, во что эта улыбка вам потом обойдется». Он вспоминал тот день, тридцать лет назад. Солнечную мастерскую, пахнущую краской и юностью. Ее смех, который ему тогда казался таким искренним. А может, он и был искренним? Может, она и правда была счастлива в тот миг, веря в светлое будущее, которое он так мастерски уловил и законсервировал? Его искусство не было ложью. Оно было консервацией мимолетного пузыря надежды, который был обречен лопнуть. Он был не мошенником. Он был летописцем крушения, сам того не ведая.

Он смотрел на людей на остановках, в окнах автобусов. На их усталые, озабоченные лица. Где здесь место для его «Лучей»? Они были нужны лишь тем, кто, как прежние хозяева дома Ирины, хотел закрыть пустоту дорогой картинкой. Он продавал анестетик от боли жизни, а не саму жизнь.

Чай и молчание

Его пентхаус встретил его стерильным блеском и гулкой тишиной. Дом-корабль, плывущий в никуда, капитан которого забыл пункт назначения. Он снял пальто, бросил его на дорогой диван и пошел на кухню. Включил дизайнерский чайник, заварил в простом глиняном чайнике крупнолистовой чай – единственное, что он покупал не по цене, а по вку-

су, по памяти.

С чашкой в руках он подошел к панорамному окну. Город лежал внизу, как россыпь драгоценных камней. Он смотрел на огни, на движение марок, и все это казалось ему теперь бутафорией, декорацией к чужой пьесе, в которой он отыграл свою роль. Деньги в сейфе, машина в гараже, слава в каталогах – все это было формой побега. Побега от самого себя, от того простого парня с мольбертом, который верил, что искусство может что-то изменить.

Он поставил недопитую чашку и медленно, почти нехотя, подошел к мольберту с маленьким чистым холстом. Он стоял нетронутым, как укор. Виктор Петрович взял угольный карандаш. Рука, привыкшая к точным, выверенным линиям, дрогнула.

Он провел одну линию. Кривую, неровную. Потом еще одну. Это был не контур лица, не набросок. Это был скелет чувства. Линия разочарования. Линия усталости. Он не пытался нарисовать себя, он пытался нарисовать то, что чувствовал после встречи с Ириной – горечь осознания, что ты всю жизнь служил не искусству, а рынку.

Провал в забвенье

Он простоял так, может, минуту, может, час. Холст оставался почти чистым, лишь несколько нервных, рваных штрихов нарушали его белизну, как морщины на лице незнакомца. Этого было недостаточно. Этого было слишком много.

Внезапно силы оставили его. Опустошенный, он бросил

карандаш на подставку. Он не пошел в спальню. Он просто дошел до дивана, скинул с него свое же пальто и рухнул на шелковую обивку.

Сон накрыл его мгновенно и безжалостно, как волна. Он не видел снов. Был лишь черный, безвоздушный провал, полное отсутствие всего – ни света, ни красок, ни мыслей. Это был сон-отключка, сон-капитуляция. Тело, доведенное до предела, взяло свое, вырубив сознание, которое больше не могло нести груз откывшейся ему бездны.

За окном горел ночной мегаполис, а он спал непробудным сном, словно впервые за много лет позволив себе настоящий отдых – отдых от самого себя. А на мольберте, в лунном свете, зияли несколько одиноких черных линий – безмолвный свидетель того, что путь к правде начался. И первый шаг на этом пути – признание, что ты не знаешь, с чего начать.

Глава 5. В поисках утраченного смеха

Пробуждение в иной реальности

Он проснулся от того, что замерз. Резкий, пронизывающий холод заставил его содрогнуться прежде, чем к нему вернулось сознание. Тело затекло, шея ныла от неудобной позы. Он лежал в темноте, не понимая сначала, где находится. Светящиеся цифры на электронных часах встроенного в стену мультирума показывали 4:17. Ночная тишина была абсолютной, нарушаемой лишь редким гулом лифта в шахте. Он не спал в гостиной уже лет десять, не считая тех случаев,

когда засыпал пьяным перед телевизором.

Он поднялся, костяшки позвонков хрустнули с тихим протестом. Пошел к окну. Мегаполис в предрассветные часы был другим существом – менее ярким, более угрюмым. Огни рекламных билбордов мерцали, словно от усталости, а редкие фары машин на набережной казались одинокими светляками в сером мареве. Он потрогал батарею под подоконником – она была ледяной. «Включил бы теплый пол», – мелькнула автоматическая мысль, но он даже не пошевелился, чтобы это сделать. Ему было почти приятно этому физическому холоду, этой небольшой боли в спине. Это было что-то настоящее, осязаемое, в отличие от размытой тоски, разлитой внутри.

Его взгляд упал на мольберт. В сумерках комнаты маленький холст с двумя-тремя угольными штрихами казался призраком, парящим в воздухе. Эти линии были похожи на трещины на идеально гладкой, замерзшей поверхности его жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.